

Т. А. ОПАРИНА

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва
Институт российской истории РАН, Москва

«ГРЕЧЕНИН» КОНСТАНТИН ИВАНОВ (МУРАИТОВ) НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ

Статья посвящена процессу вхождения в русское общество, а также служебной деятельности иммигранта из Османской империи. В России «греченин» получил имя Константин Иванов, первое время у него было фамильное прозвище Мураитов. Иммигрант происходил из Мореи, статус его отца русские подьячие переводили как «воевода» или «наместник». Чтобы добраться до Москвы, Константин Иванов воспользовался османской дипломатической миссией капычей Алеи-аги. В России «греченин» служил в Иноземском приказе (в «греческой» роте), где и оказался втянут своим ротмистром Юрием Трапезундским в несколько конфликтов. Будучи неграмотным, при составлении документов он предоставлял право своей подписи другим лицам. Отсутствие знания письменности не мешало ему добросовестно исполнять воинские обязанности в Иноземском приказе. За службу он был вознагражден. Жизнь в России Константина Иванова позволяет увидеть одну из граней «греческой» миграции.

Ключевые слова: миграция, ассимиляция, дипломатические контакты, «греческое» землячество Москвы

Миграция из Османской империи и ее вассальных государств в Россию в первой половине XVII в. хорошо прослеживается по архивным документам. Поданные султана, стремящиеся переселиться в далекую северную державу, нередко прибегали к помощи дипломатических миссий. Установившиеся после воцарения Михаила Романова прочные контакты между Портой и Москвой обусловили регулярные обмены посольствами.¹ Русские дипломаты, направляемые в Константинополь, возвращались с ответными османскими миссиями. Сложившаяся система позволяла передвигаться между двумя столицами греческим купцам, представителям духовенства Христианского Востока, а также мигрантам. Последние имели возможность добраться до России, выбирая между русским или османским посольствами.

Для настоящей темы важна поездка в Константинополь в 1632 г. Афанасия Осиповича Прончищева и дьяка Тихона Бормосова.² В период нахождения русских дипломатов в османской столице стало известно о набегах донских казаков на Синоп и другие прибрежные города Османской империи, что вызвало гнев Мурада IV.

¹ См.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946; Османская империя и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984.

² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. 1632 г.

Афанасий Осипович Прончищев и Тихон Бормосов оказались под фактическим арестом. Лишь через несколько месяцев им позволили уехать. На родину Афанасий Осипович Прончищев и Тихон Бормосов возвращались с османской миссией во главе с капычей Алеем-ага³. Дипломатам предстоял трудный путь, их корабли попали на Черном море в мощный шторм и были отнесены к Синопу. Жители города, возмущенные недавним грабежом донских казаков, пленили русских послов, угрожая им убийством. Сумев, в конечном счете, освободиться и продолжить путь, Афанасий Осипович Прончищев и Тихон Бормосов добрались до Кафы, где снова были задержаны на длительное время. Лишь в конце 1633 г. русские и османские дипломаты достигли русской столицы. 15 декабря 1633 г. посольство Алеи-аги удостоилось царской аудиенции в Золотой палате.⁴

С османским дипломатом в Москву приехали многочисленные греческие купцы и греческие иерархи, рассчитывавшие на получение в России пожертвований. Самым значимым по статусу был ангирский митрополит Лаврентий.⁵ В посольство Алеи-аги также вошла группа «гречан, которые едут на государево имя». Первоначально человек, зафиксированный позже в русских документах как Константин Иванов (Мураитов), среди них не числился. Можно предположить, что он входил в свиту османского посла в числе охраны и тогда мог быть записан под другим именем, или же являлся безымянным служкой ангирского митрополита Лаврентия. Лишь в Москве Константин Иванов (Мураитов) объявил о своем желании остаться навсегда в далекой северной державе. Как следствие, документы о принятии им русского подданства оформлялись отдельно от прочих иммигрантов и с некоторым опозданием.

Мотив миграции в Россию Константин Иванов (Мураитов) обозначил формулярной фразой: «Слышачи царьскую неизреченную милость к нашей братье к иноземцам... покиня род свои и племя, и все свое житье, и остался на государево имя».⁶ Первый этап вступления иммигрантов в русскую службу предполагал предоставление биографических сведений о себе, так называемых «сказок». Константин Иванов (Мураитов) сообщил, что его род происходит из столицы Мореи – города Палеопатры (Старые Патры).⁷ Здесь, по словам им-

³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 6. 1633 г.

⁴ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2: С 1628 по 1645 г. СПб., 1851. Стб. 352–353.

⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. 1634 г.

⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

мигранта, его отец исполнял обязанности «мураита» («мукулима»), что русскими подьячими было переведено как «воевода»: «А отец ... мои был в Турской земле от турского царя в Палеопатре мукули-мом (мураитом?), а по-руски воевода».⁸ В более позднем документе османский термин был утерян: «Константин Иванов сын Мураитов сказал, что отец ево был в Турской земле в Палеопатре городе у тур- ского салтана наместником, а по-руски воиводою».⁹ В том случае, если отец действительно занимал столь важный пост, то семья должна была принять ислам. Но под словами «наместник» или «воевода» русские подьячие могли подразумевать главу греческой общины Палеопатры, выполнившим обязанности сбора налогов с православного населения города.

Помимо устного расспроса важными для русских чиновников были греческие документы, подтверждавшие изложенные в Посольском приказе сведения. К ним прежде всего относились рекомендательные грамоты духовенства Христианского Востока. Подобными бумагами Константин Иванов (Мураитов) не обладал, рекомендательных грамот он не привез: «А писма... ни от кого нет».¹⁰ Решение о статусе иммигранта в России выносилось дьяками Посольского приказа исходя из знатности его семьи в Османской империи. Отсутствие документов повлияло на оценку положения Константина Иванова (Мураитов) и его близких. Первоначально его причислили к людям низкого статуса, что повлекло скромный размер содержания в России. Константину Иванову (Мураитову) начислили поденный корм лишь в 10 денег на день.

В этой ситуации в процесс оформления русского подданства Константина Иванова (Мураитова) вмешался ангирский митрополит Лаврентий. Он ходатайствовал (очевидно, устно) за иммигранта. К прошениям греческих иерархов русские власти всегда относились с повышенным вниманием. И в этом случае они прислушались к словам пастыря и в начале февраля 1634 г. «для чelобитья митрополита Лаврентия» повысили Константину Иванову (Мураитову) поденный корм на 4 деньги, тем самым довели его до 2 алтын и 2 денег.¹¹ Очевидно, вскоре Константин Иванов (Мураитов) женился, как и многие его спутники по посольству Алеи-аги, после чего, видимо, попросил

⁸ РГАДА.Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. 1644 г. Л. 318.

¹⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 6.

¹¹ РГАДА. Ф. 52. Д. 2. 1634 г. Л. 7. Можно отметить, что к этому времени османский посол капычей Алеи-ага уже покинул Москву. 15 февраля 1634 г. состоялась аудиенция у царя Михаила Федоровича в Золотой палате капычая Алеи-аги на «отпуске». (Дворцовые разряды. Стб. 364.) С ним вернулся на родину и ангирский митрополит Лаврентий.

средств на содержание супруги. В результате его поденный корм составил уже 3 алтына на день.¹²

Добившись решения одной из задач, Константин Иванов (Мураитов) проявил свои амбиции. С посольством Алеи-аги в Москву приехало несколько человек, обладавших рекомендательными грамотами высшего духовенства Христианского Востока. Как результат, они сразу были признаны знатными. Это дало им основание войти в состав Государева двора, что, в свою очередь, позволило быть представленными монарху при принятии русского подданства. Константин Иванов (Мураитов) посчитал возможным сопоставить себя с родовитыми «гречанами», побывавшими на приеме. По аналогии с ними он попросил о царской аудиенции. Утверждение о принадлежности к семье «воеводы» Палеопатры и заступничество ангирского митрополита Лаврентия давали ему надежду претендовать на прием у монарха. Константин Иванов (Мураитов) подал челобитную на имя государя: «А я, холоп твой, царьские очи не видал и твоево государева жалованья выходу мне не дано, ... скитаюся меж двор. Милосердый государь, ... пожалуй меня, холопа своего, для моего иноземства, вели, государь, мне видеть свои ... царьской очи и вели, государь, мне свое царьской жалованье выход ... указать против моей братии, кому я, холоп твои, в версту».¹³ С подобным же прошением обратился к царю Михаилу Федоровичу другой иммигрант — Афанасий Николаев, обладавший рекомендательной грамотой константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Русские власти согласились. В отсутствие османского посольства Алеи-аги¹⁴ Константину Иванову (Мураитову) и Афанасию Николаеву предоставили возможность лично предстать перед монархом. Их имена включили в протокол встречи государя с крымским послом Курамши-мурзой (Сулешевым) и крымским посланником Джумаши. Аудиенцию, назначенную на 20 марта 1634 г. в Столовой избе, вел думной дьяк, глава Посольского приказа Иван Кириллович Грязев.

Когда дипломатическая часть церемонии завершилась и представители крымского хана покинули дворцовую палату, к монарху пригласили «гречан»: «А как они пошли ко государю в Столовую избу, и явил их государю, челом ударил думнои диак Иван Грязев».¹⁵ Иван Кириллович Грязев сообщил: «И государь велит идти к себе государю ... гречаном, которые приехали на его государево имя — Офона-

¹² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. 1635 г. Л. 5; РГАДА. Ф. 52. Оп.1. Д. 13. 1634 г. Л. 13.

¹³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

¹⁴ Дворцовые разряды. Стб. 364.

¹⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 4.

сью Миколаеву да Костянтину Иванову». ¹⁶ От лица новых русских подданных глава Посольского приказа произнес: «А молыл: Великий государь царь и великий князь самодержец Михаил Федорович и многих государств государь и обладатель, гречане Офонасей Миколаев да Костянтин Иванов, вам, великому государю целом ударили, приехали на государево имя ... служити». ¹⁷ Иммигрантам позволили приблизиться к царю и удостоиться особой милости — целования руки правителя: «И государь пожаловал гречан к руке. А после того великий государь сказал свое государево жалованье». ¹⁸

На торжественном приеме иммигрантам назначили дары за принятие русского подданства¹⁹: «От турского посла от Алеи-аги остались на Москве на государево имя гречане Офонасей Миколаев да Костянтин Иванов. И дано им государево жалованье за выезд: Офонасью 15 рублей, Костянтину 14 рублей». ²⁰ Помимо денег «гречан» наградили тканями и мехами: «Марта 20 (1634 г.) память за приписью думново дьяка Ивана Грязева: государева жалованья гречаном ... Офонасью Миколаеву да Костентину Иванову по 8 аршин камки адамашки жолтои мелкотравной по 30 алтын аршин, да по 4 аршина сукна кострышу тмосинево по 2 рубли с полтиною портище. Да вместо кунц по 40 соболеи». ²¹ Кроме того, иммигрантам объявили о размере поместно-денежного оклада. Константину Иванову (Мураитову) определили 350 чети и 14 рублей, Афонасию Николаеву — 500 и 16 рублей. Кроме того, им назначили жалованье в натуральном выражении: «Да им же велети давать поденного питья марта с 21 числа вперед по 2 чарки вина, по кружке меду, по кружке пива человеку на день». ²² Более того, «гречанам» предоставили подарки, символически заменяющие церемониальную трапезу с государем: «Велели им дати государева жалованья ... в стола место корм сегодня ... по 4 чарки вина, по 4 кружки меду, по 4 кружки пива человек, быти им у государя на дворе». ²³ Далее последовали памяти для выполнения повелений монарха в Казенный приказ, Большой приход и Приказ Большого Дворца. ²⁴

¹⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 11.

¹⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 11–12.

¹⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 11–12.

¹⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 12–13.

²⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 13. 1634 г. Л. 13.

²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 289. Л. 477–477 об.

²² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 15.

²³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 15.

²⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. 1634 г. Л. 13–15.

Важно отметить, что при принятии русского подданства конфессиональных отступлений у иммигрантов не было выявлено. Очевидно, их признали православными и сразу позволили войти в приходы Московского патриархата. Что касается Константина Иванова, то далее его фамильное прозвище Мураитов исчезает, оно более не встречается в источниках. Несмотря на царский прием, Константина Иванова и Афонасия Николаева не допустили в состав Государева двора. Ни рекомендательная грамота патриарха у Афонасия Николаева, ни заступничество митрополита у Константина Иванова, ни даже его рассказ об отце-«воеводе», не повлияли на положение в России. Константину Иванову назначили высокий поместно-денежный оклад, что зафиксировало его статус в русском обществе.

Основным видом деятельности в России иммигрантов из Османской империи и ее вассальных государств, не сумевших попасть в состав Государева двора, была служба в Иноземском приказе. В военном ведомстве для иностранцев к этому времени уже существовала особая «греческая» рота, возглавляемая ротмистром Николаем Мустофином. Вместе с рядом других иммигрантов посольства Алеи-аги в это подразделение и зачислили Константина Иванова и Афонасия Николаева.²⁵ В Иноземский приказ их направили 20 июня 1634 г.²⁶

Только что закончилась Смоленская война, новых крупных военных кампаний московское правительство не имело возможности даже планировать. Главной задачей русского войска оставалась охрана южных границ от набегов крымчаков и ногаев, резко усилившихся в период Смоленской войны. Центром управления обороной Засечной черты была Тула, куда на три летних месяца, с июня по август (обычный период набегов), направлялись поместная дворянская конница и подразделения Иноземского приказа. Войска должны были перекрыть Муравский шлях — путь движения от Крыма к Москве степняков. Такая система обороны обеспечивала предотвращение набегов. Константин Иванов был направлен на Тульскую службу сразу после зачисления в «греческую» роту. На период с 15 июля по 15 августа ему выдали необходимые средства.²⁷ После кончины ротмистра Николая Мустофина в 1634 г. «греческую» роту ненадолго возглавил Федор Черкизов Сулейман-Дамаскин. Под его началом «гречане» продолжили исполнять свои обязанности. Следующие сведения об отправке Константина Иванова на южные границы относятся к 1636 г: «Да июня в 6 день ему ж ... для государевы Туль-

²⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. 1635 г. Л. 5.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 48. Л. 89.

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 48. Л. 89.

ские службы на июнь да вперед на июль да на август месяцы на корм 8 рублей 9 алтын 2 деньги. Дано».²⁸

Не позднее 1637 г. в «греческой» роте вновь произошли изменения в руководстве. Следующим ротмистром стал бывший поручик Юрий Трапезундский,²⁹ приведший свое подразделение на военный смотр в 1641 г. На нем Константин Иванов продемонстрировал свое вооружение, представ «на коне с саблею да с карабином».³⁰ После смотра он получил назначение на тульскую службу.³¹ Размежевенный ритм воинской службы был прерван противоборством внутри «греческой» роты, спровоцированным новым ротмистром. В 1641 г. князю Якову Куденетовичу Черкасскому, исполнявшему обязанности воеводы дислоцированных на Туле русских войск, направили извет на своего ротмистра несколько рядовых военных «греческой» роты. Они обвиняли своего командира в многочисленных рукоприкладствах.³² В тяжбу о несправедливом обращении ротмистра со своими подчиненными был втянут и Константин Иванов. Очевидно, он подписал извет (или один из изветов), в результате чего в качестве свидетеля был отправлен из Иноземского приказа к Якову Куденетовичу Черкасскому: «Послан на Тулу с челобитчиком».³³ В связи с утратой документов не известны ни ход следствия, ни его результаты. Безусловно, изменений в «греческой» роте не произошло, все сохранили свои должности.

Вскоре вспыхнул более масштабный конфликт, на этот раз вышедший за рамки «греческой» роты и захвативший почти всех «гречан» Москвы, в том числе переводчиков Посольского приказа и членов Государева двора. В 1642 г. две наиболее знатные семьи, князья

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 49. Л. 91; РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 848. Л. 17.

²⁹ Опарина Т. А. Ротмистр Юрий Трапезундский: Заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Материалы. М., 2004. С. 54–73.

³⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 848. Л. 372.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 139. Л. 422.

³² Документы находились в Разрядном приказе в XVII в., о чем свидетельствует сохранившаясяпись. В ней указано «Судное дело 149 года, что было на Туле в полку столника и воеводы князя Якова Куденетовича Черкасского по челобитью московских кормовых иноземцев на ротмистра на Юрию Трапезанского, снизу отодрано, а вершено ль или нет, того не ведомо» (Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 512). Следственное дело хранилось в Разрядном приказе в XIX в. В описи Приказного стола Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 278. Л. 1–37) оно значится в ОДиБ МАМЮ. Можно предположить, что создатели описи после ее завершения изъяли заинтересовавшие их материалы и поместили в другой фонд. В настоящее время эти документы в стб. 278 отсутствуют. Их местонахождение неизвестно.

³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 50. Л. 40–40 об.

Альбертусы-Далмацкие и Алибеевы-Макидонские, возобновили свое противостояние. На стороне Альбертусов-Далмацких неизменно выступал ротмистр Юрий Трапезундский. Желая спасти от тюремного заключения Дмитрия Альбертуса-Далмацкого, пользовавшегося большим авторитетом у всех «гречан», Юрий Трапезундский предложил своим подчиненным составить на него поручную запись. Для осуществления своей цели ротмистр активно приступил к сбору подписей у рядовых «греческой» роты, действуя максимально жестко и, очевидно, с фальсификациями. Как потом будет заявлять большинство «гречан», им не предъявили документа, заставляя подписываться под чистыми листами. Но Юрий Трапезундский и его сподручники, московские дворяне Остафий Иванов Власов и Петр Иванов Волошенин, убеждали, что позже внесут в бумаги текст поручной записи.

Спор выявил безграмотность Константина Иванова. Не владея ни русским, ни греческим письмом, он всякий раз был вынужден прибегать к помощи земляков. Первоначально за него подписался Велимир Ендриновский,³⁴ в следующий раз — Михаил Поликострицкий.³⁵ Готовый документ был подан властям, в результате чего Дмитрий Альбертус-Далмацкий получил свободу. Но, как оказалось, вызволив дворянина, его сподвижники отклеили листы с подписями и соединили их с совсем иным документом — изветом против Алибеевых-Макидонских. В последнем заявлялось, что эти выходцы из Эпира были не детьми паши Аинны, а лишь брадобреем и сапожником в Ясах. В ответ Алибеевы-Макидонские подали извет о подложности составленного Юрием Трапезундским, Остафием Ивановым Власовым и Петром Ивановым Волошенином документа. Началось следствие.³⁶ На допросы вызывались все вольные или невольные участники спора. Чтобы избежать наказания, «гречане», чьи подписи обнаружились на извете против Алибеевых-Макидонских, начали подавать явочные челобитные на Юрия Трапезундского, Остафия Иванова Власова и Петра Иванова Волошенина.

Константин Иванов, будучи не в состоянии самостоятельно подготовить документ, примкнул к группе своих земляков: Петру Юрьев-

³⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 107 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 116.

³⁶ Опарина Т. А. Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы Международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176.

ву Царегородскому,³⁷ Аргиру Захарьеву,³⁸ Кириллу Христофорову,³⁹ Фоме Константинову⁴⁰ и иным. Текст коллективной явочной челобитной, наиболее вероятно, был составлен самым грамотным участником — принявшим православие евреем из Фессалоник Иваном Аврамовым Селунским, будущим толмачом Посольского приказа.⁴¹ В явочной челобитной «гречане» настаивали, что их ввели в заблуждение: «И он, Юрьи Тропизонской, пришел к нам з бумагою с порожними столбцами, а велел нам руки прикладывать. И сказал, что в поруке в статье по князь Дмитре Олбертове. А после, государь, те столбцы за руками объявились челобитная на князь Анастаса да на князь Федора Макидонских».⁴² Далее подробно описывались и методы ротмистра при получении подписей: «А писали нас за очи на них без нас. А мы, холопи твои, их [Алибеевых-Макидонских. — Т. О.] не знаем: Турская земля велика. А которые, государь, к тем порожним столбцам не хотели руки приложити, и он, Юрьи, учал грозить: что де руки не приложит, и тово де я зделаю без корму. И мы, государь, и тово бояся от него безделья, прикладывали руки, а в ыных местах за очи он, Юрьи, с товарыщи руки приложили».⁴³ Трудно понять, к какой категории относился Константин Иванов: сам ли он под угрозой лишения жалованья дал согласие от его лица поставить подпись, или же подпись была поставлена без его ведома. В любом случае, на этот раз, уже на явочной челобитной, он попросил расписаться за него человека, которому, безусловно, доверял⁴⁴ — своего спутника по посольству Алеи-аги Константина Юрьева Ангирского (за которого также ходатайствовал ангирский митрополит Лаврентий).

³⁷ Опарина Т. А. «Греченин» Петр Юрьев Царегородский // Комплексный подход к изучению Древней Руси: Сборник материалов XII Международной конференции. М., 2023. С. 58.

³⁸ Опарина Т. А. «Греченин» Аргир Захарьев в Иноземском приказе // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. М., 2023. С. 268–270.

³⁹ Опарина Т. А. «Греченин» Кирилл Христофоров // Соборное уложение 1649 г.: Формирование, практика, эпоха. М., 2024. С. 62–71.

⁴⁰ Опарина Т. А. Сын чеуша в России: «Греченин» Фома Константинов // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 4–5 апреля 2024 г. М., 2024. С. 244–246.

⁴¹ Опарина Т. А. Интеграция еврея в русское общество середины XVII в.: Толмач Посольского приказа Иван Селунский // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М., 2003. С. 132–150.

⁴² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 97.

⁴³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 97.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 97 об.

За явочной челобитной последовала очная ставка с Остафием Ивановым Власовым и Петром Ивановым Волошенином (Юрий Трапезундский к этому времени уже был сослан в Сибирь⁴⁵). Во время нее подьячие кратко резюмировали содержание поданного военными документа: «Велели де им приложить руки к порозжим столбцом, а сказали, что в поруке в статье по князь Дмитреи Альбертусе. А после де того те столбцы объявились: челобитная на князь Анастаса да на князь Федора Макидонских. А написали их за очи, на них в знатье, а они де их не знают. А в их де место Юрии с таварыщи руки прикладывали за очи и грозили им: будет руки не приложат, и они де их зделают без корму».⁴⁶

В ответ Остафий Иванов Власов и Петр Иванов Волошенин заявили, что ничего не говорили «гречанам» про поручную запись на Дмитрия Альбертуса-Далмацкого. Более того, они отвергли саму возможность составления ими поручной записи. По их мнению, подобные документы готовят лишь площадные подьячие, но никак не дворяне и не ротмистры: «Руки прикладывали к челобитной, а не сказали по князь Дмитреи Албертусе в статье. А только б де они прикладывали к записи и з записми де ходят площадные подьячии и руки прикладывают к записям у подьячих».⁴⁷ Остафий Иванов Власов и Петр Иванов Волошенин видели причиной подачи явочной челобитной подкуп Алибейевых-Макидонских. Однако «гречане» продолжали настаивать на своей невиновности, повторив обвинение в чистых листах и неведении о планах составления извета против Алибейевых-Макидонских: «Приложили руки, поверя им, Остафью и Петру, к порозжим столбцом. А явок де в те поры не давали, потому что заводу их в те поры не ведали. А подали явки, как они сведали их завод».⁴⁸

Следствие завершилось признанием вины Остафия Иванова Власова и Петра Иванова Волошенина. Константин Иванов, как и все остальные «гречане», не понес никакого наказания. Он остался в своей роте, в которой поменялся глава подразделения. После удаления Юрия Трапезундского власти вернули на два года Федора Черкизова Сулеймана-Дамаскина. Вскоре его сменил Николай Зотов Макидонский (Мамгуселим), а к 1650 г. появились две роты «гречан»: поместных (имевших земли) и кормовых (получавших лишь жалованье). Роту последних возглавил Алексей Кизылбашенин, под началом которого «гречане» принимали участие в строительстве укреплений

⁴⁵ Опарина Т. А. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: Пути и судьбы // Quaestio Rossica. 2017. № 1. С. 171–197.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 155–156.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 156–157.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. 1643 г. Л. 157.

Белгородской засечной черты. Константин Иванов отличился на службе, за что был вознагражден в 1650 г. Ему увеличили поместно-денежный оклад на 100 четей и 5 рублей: «Прибавлено Костентину Иванову ... государева жалованья к старому окладу за белогородцкую и за яблоновскую службу и за воловое земляное дело против городовых дворян и детей боярских поместново 100 чети, денег 5 рублей».⁴⁹ В результате его оклад составил 450 чети и 19 рублей. Но размер поденного корма в 3 алтына на день остался неизменным.⁵⁰ К 1653 г. обе «греческие» роты были расформированы и следы Константина Иванова теряются.

Судьба «греченина» Константина Иванова в России прослеживается на протяжении почти двадцати лет. Он приехал в составе османского посольства, проделав сложный и драматический путь из Константинополя в Москву. В русской столице он представился сыном наместника («мурзита») одного из крупнейших городов Османской империи – Палеопатры. Даже если в действительности его отец был главой православной общины города, его семья играла значительную роль в жизни православных регионов. Слова иммигранта подтвердили антирусский митрополит Лаврентий. Это дало основание для русских властей допустить «греченина» на царскую аудиенцию при принятии русского подданства. Несмотря на все факторы, Константин Иванов не смог добиться включения в состав Государева двора. Устные показания принципиально не изменили сложившегося у подьячих Польского приказа мнения о не столь высоком статусе иммигранта. Константина Иванова определили в «греческую» роту Иноземского приказа, где он верно нес службу, исполняя все обязанности. «Греченин» был неграмотным, в результате чего передавал право своей подписи другим землякам. В результате, он оказался втянут в 1642 г. в большой конфликт внутри «греческой» общины Москвы, но был оправдан.

Список литературы

Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные Вторым отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2: С 1628 по 1645 г. СПб., 1851. 502 с.

Опарина Т. А. «Греченин» Аргир Захарьев в Иноземском приказе // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 6–7 апреля 2023 г. М., 2023. С. 268–270.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 52. Л. 108.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 875. 1651 г. Л. 333.

- Опарина Т. А. «Греченин» Кирилл Христофоров // Соборное уложение 1649 г.: Формирование, практика, эпоха. М., 2024. С. 62–71.
- Опарина Т. А. «Греченин» Петр Юрьев Царегородский // Комплексный подход к изучению Древней Руси: Сборник материалов XII Международной конференции. М., 2023. С. 58.
- Опарина Т. А. Интеграция еврея в русское общество середины XVII в.: Толмач Посольского приказа Иван Селунский // Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. М., 2003. С. 132–150.
- Опарина Т. А. Ротмистр Юрий Трапезундский: Заметки к биографии // Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Материалы. М., 2004. С. 54–73.
- Опарина Т. А. Сибирская ссылка греческих переселенцев XVII в.: Пути и судьбы // *Quaestio Rossica*. 2017. № 1. С. 171–197.
- Опарина Т. А. Следственное дело о княжеском титуле Алибееевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов: Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176.
- Опарина Т. А. Сын чеуша в России: «Греченин» Фома Константинов // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 4–5 апреля 2024 г. М., 2024. С. 244–246.
- Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. 806, [2] с.
- Османская империя и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.: Главные тенденции политических взаимоотношений. М. 1984. 301 с.
- Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1. 158 с.; Т. 2. 172 с.